

М. Б. Морозова

Трагедия Бидии Дандарона как отражение судьбы буддизма в России после национальной катастрофы 1917 года

Статья посвящена деятельности выдающегося советского ученого, буддолога, востоковеда и духовного учителя Бидии Дандаровича Дандарона, внесшего большой вклад как в религиозную жизнь буддийской сангхи Советского Союза, так и в развитие советского востоковедения и буддологии. На примере трагической судьбы Бидии Дандаровича можно проследить политику советской власти в отношении верующего населения Бурятской Республики и всего Союза в целом.

ключевые слова: Дандарон, буддизм в годы репрессий, необуддизм, буддийская сангха в СССР.

Судьба буддизма в годы советской власти трагична. После принятого 8 апреля 1929 г. на основании Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» против буддийской сангхи в России начинаются репрессии, разрушаются и закрываются монастыри и храмы. На фоне этих трагических событий разворачивались жизнь и судьба выдающегося деятеля Бидии Дандаровича Дандарона, которые явились отражением судеб многих сотен и тысяч буддистов после национальной катастрофы 1917 г.

Бидия Дандарович Дандарон родился в 1914 г. в Кижинге (Бурятия). Отцом его был лама, поэтому мальчику с детства были близки и знакомы религиозные традиции бурято-монголов. В возрасте 8 лет маленький Бидия был признан тулку (перерождением) настоятеля одного из тибетских монастырей, посещавшего Бурятию в конце XIX в. Была проведена помпезная церемония посвящения с богатыми подарками и подношениями.

Из отчета НКВД «Теократическое балагатское движение и бан-
дитизм по Хоринскому аймаку в 1917–1927 гг.»:

В начале июля 1921 г. в Шолутайском дацане, согласно письменному распоряжению из тюрьмы ламы Сандана, состоялось возведение в сан его восприемника восьмилетнего Бидиядары Дандарона. В торжестве, длящемся 3 дня, участвовало огромное количество верующих. Были торжественные молитвы, конские бега, борьба, угощения и т. д. Новому главе теократов преподносится звание Наследника престола, совершается жертвоприношение посредством мандалы, ему предоставляется почетное кресло [*Дандарон. Монтлевич, 211*].

Лубсан Цыденов — первый учитель Дандарона, в тот день дал мальчику посвящение и нарек его Дхармараджей — духовным принцем Бурятии. После чего мальчик был отправлен в монастырь для изучения тибетского и монгольского языков, основ буддийской философии и космологии. Однако монастыри и хурулы по всему Советскому Союзу закрывались и разрушались, духовенство ссылалось или попросту уничтожалось. Бидия Дандарон был вынужден продолжать образование в светской школе, где его недолго любили за «царское» происхождение.

В школу я поступил в 1923 г., и уже с 5 или 6 класса начались преследования меня и взрослыми, и моими товарищами. Меня звали «наследником», всячески дразнили. У меня было много драк, и, оканчивая школу, я уже понял, что жить мне в моем районе или даже в Бурят-Монголии будет невозможно, так как вытравить все это из головы людей я не мог, и люди были недостаточно сознательны, чтобы понять, что ребенок, которого кто-то назвал наследником, здесь не при чем [*Дандарон, Монтлевич, 213*].

Поняв, что в родных краях его не оставят в покое, Бидия принимает решение перебраться на запад страны. В 30-х гг. он приезжает в Ленинград, в 1933 г. поступает в Институт гражданского воздушного флота (ГВФ), современный Институт авиаприборостроения (ЛИАП) и параллельно посещает лекции на восточном факультете ЛГУ. В 1935 г. Дандарон встречается с видным буддийским деятелем Агваном Доржиевым, тем самым, по ходатайству которого перед Николаем II в Санкт-Петербурге был построен первый в Европе буддийский храм (дацан). Доржиев устраивает молодому соотечественнику

настоящий экзамен по тибетскому и монгольскому языкам, а также по философии. Бидия с честью выдерживает испытание и получает от Доржиева рекомендацию к филологу А. И. Вострикову для дальнейшего изучения и совершенствования в тибетском языке.

Дандарон интересовался историей монгольских племен, образованием монгольского государства. На почве этих интересов он сблизился с профессором-монголоведом Ц. Ж. Жамцаранó. Они много говорили о монгольском национальном эпосе и фольклоре. Под руководством Цыбэна Жамцарановича Дандарон начинает собирать уникальный материал по тибетологии и монгольскому эпосу. Вокруг Дандарона, блестящего рассказчика и умницы, быстро собирается кружок из его соотечественников бурятов, которые приходят к нему домой послушать и поdiscутировать об истории и судьбах Бурятии и Монголии, о вхождении этих территорий в Россию, об образовании Монгольского государства. Эти собрания не проходят незамеченными. В 1937 г. Дандарон был арестован по доносу одного из своих сокурсников. Ему инкриминируется создание панмонгольской контрреволюционной организации.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик 3 июня 1937 года военный трибунал Ленинградского военного округа в закрытом судебном заседании, в расположении военного трибунала Ленинградского военного округа в составе председательствующего: т. Зейдина; членов: капитана Зинченко и т. Парфенова при секретаре — военном юристе Козлове, рассмотрев дело № 018 по обвинению Дандарона, Рандалона, Батомункуева и Галданжапова, установили следующее.

Дандарон, сын ламы, будучи враждебно настроен против политики ВКП(б) и советской власти и являясь убежденным сторонником панмонгольского националистического движения, повел активную работу по созданию контрреволюционной националистической группы, которая и была создана в 1936 г., приговорил: на основании ч. I, ст. 58–10 УК Дандарона Бидию Дандаровича и Рандалона (Доржиева) Цыдена Доржиевича — обоих — заключить в тюрьму сроком на 10 лет, поразив каждого из них в политических правах, предусмотренных ст. 31 УК по п. «а», «б», «в» и «г» сроком на 5 лет.

Батомункуева Балбара и Галданжапова Ширапа Галданжаповича, каждого, лишит свободы на 6 лет с поражением в политических правах на 3 года.

Архив. С. 197–200. Дело № 018 [Дандарон, Монтлевич, 227].

По этому делу были арестованы также ближайшие родственники и знакомые Дандарона, среди которых востоковед А. И. Востриков, впоследствии замученный в тюрьме, и первая жена Дандарона Елизавета Шулунова, которую через некоторое время выпустили. На время заключения их двух малолетних детей поместили в детский дом. Выйдя из тюрьмы, Шулунова забрала сына Леонарда и уехала с ним к родственникам в Бурятию, где через некоторое время умерла от туберкулеза костей, полученного в тюрьме. Следы младшей дочери Любы затерялись. Уже после реабилитации Бидия Дандарович искал ее, но не нашел, вероятнее всего девочку удочерили и сменили ей фамилию.

О его жизни в это время мало сведений. Известно только, что в 1941 г. он отбывал срок в Уссурийской области, из лагеря написал прошение об отправке на фронт, но ему было отказано.

В 1943 г. Дандарона освободили досрочно из-за открытой формы туберкулеза, он возвращается в родную Кижингу и начинает активные действия по возрождению религии. По воспоминаниям родных, из лагеря он привез перевод на бурятский язык Ганджура — своеобразной буддийской энциклопедии, содержащей основы учения Будды.

Уже в это время Бидия Дандарович проявляет себя как буддийский учитель. Но главным его делом было содействие восстановлению буддийской церкви в Бурятии. Вместе с ламами он пишет письмо Сталину о необходимости восстановления разрушенных и строительства новых монастырей. Сталин дает согласие, и уже через несколько лет вновь открывается Агинский дацан в Читинской области и строится Иволгинский дацан. Сегодня это крупнейшие духовные и просветительские центры. В Иволгинском комплексе находится резиденция Пандито Хамбо-ламы и духовный университет.

Однако органы никогда не переставали следить за Дандароном, к нему неоднократно подсылали доносчиков и провокаторов. Для бурятской правящей верхушки Бидия Дандарович был символом буддизма, от которого они отреклись, он служил как бы живым напоминанием и укором, за что его страшно ненавидели. В 1949 г. его повторно арестовывают за антисоветскую деятельность и по подозрению в шпионаже.

Но, как ни странно, это трагическое событие можно назвать и радостным, так как, оказавшись в лагере, Дандарон знакомится с новыми интересными людьми, которые во многом определили

его дальнейшую судьбу. В первую очередь здесь стоит назвать профессора философии из Вильнюса В.Э. Сеземана. Этот философ-евразиец оставил глубокий след в судьбе Бидии Дандаровича. В его лице он нашел не просто интересного собеседника, но учителя. Василий Эмильевич обучает Дандарона основам западной философии, а тот, в свою очередь, видит интерес «людей Запада» к восточной философии и в частности к буддизму. Встает вопрос о необходимости проповеди европейцам. Именно здесь, в лагере, у Бидии Дандаровича впервые рождается, пожалуй, главный проект его жизни — так называемый «необуддизм» — причудливое сочетание древней восточной мудрости и классической западной философии.

Кроме политических заключенных в лагере вместе с Дандароном оказались и немногие уцелевшие ламы. Он проводил с ними долгие ночи в беседах о философии, упражнялся в тибетском и монгольском, занимался йогой. В лагере у него появляются первые ученики среди «небурят». Это два немца и поляк Кокошка. Последний заслуживает упоминания хотя бы потому, что способствовал продвижению необуддизма на Запад. Когда началась репатриация иностранных заключенных, а Бидия Дандарович к тому времени уже закончил рукопись «Необуддизма», Кокошка намеренно поранил руку и вывез из страны страницы рукописи, спрятанные в гипсе. Позднее, в 1960-х гг., Дандарон увидел свою рукопись, изданную за границей на английском языке.

В 1956 г. Бидия Дандарович выходит на свободу. Он полон решимости работать в буддологии или востоковедении, причем не где-нибудь, а в Москве или Ленинграде. Дандарон едет в Ленинград, где его принимает директор Института востоковедения АН, ему обещают место. В ожидании разрешения работать по любимой специальности, он возвращается в Москву. Ситуация осложняется, поскольку у Бидии Дандаровича нет прописки, он ночует у знакомых, а дни проводит в Ленинской библиотеке, где штудирует книги по философии Востока и Запада. Этот период ознаменован романтическими отношениями с Натальей Ковригиной, приемной дочерью профессора Сеземана. В ней Дандарон видит не просто любимую женщину, но прежде всего партнершу по тантрической йоге. В переписке с Натальей Бидия Дандарович излагает идеи «нового буддизма», разъясняет основы восточной философии. Однако дальше переписки отношения не продвинулись, Наталья вышла замуж, что стало тяжелым ударом

для Дандарона. Но Ковригина стала его музой, вдохновившей на самосовершенствование и научные изыскания. За эти месяцы Бидия Дандарович проделал невероятный труд, что было бы не под силу другим за целые годы: сформировал общую схему исследования буддизма. За короткий срок он проштудировал практически всю историю философии Запада от античности до современности; восполнил пробелы в изучении буддизма, перечитав ранее недоступную ему литературу по буддологии. Характерная черта писем Дандарона — обилие цитат. Он приводит целые абзацы из сочинений С. Радхакришнана, А. Шопенгауэра, И. Канта, Л. Фейхтвангера и др.

Мне страшно хочется исследовать психологию школ санхья и йога и сопоставить ее с европейскими школами, начиная с Платона, Плотина, Гегеля, Фрейда до школы парапсихологов... [Дандарон, 305].

В январе 1957 г. происходит «чудо». Оно описано в письме Дандарона к Ковригиной.

27 января 1957 г. Москва. Наташа, милая моя! Сегодня я получил письмо от проф. Алексеева, где он просит немедленно приехать в Ленинград. Дело произошло так. В октябре 1956 г. некий аспирант восточного факультета ЛГУ Гомбоев принес на ученый совет факультета кандидатскую диссертацию «Об истории возникновения эпоса “Гэсэриада”». Когда познакомились с материалом, ученый совет пришел к выводу, что данная диссертация не является только компиляционной работой, какой характер носят обычно все кандидатские диссертации. Совет увидел в ней новое положение в области древних эпосов, фольклора тибетского народа, и поэтому данную работу решил оценить как докторскую диссертацию. Аспирант Гомбоев был на высоте блаженства, но не тут-то было. Мир не без добрых и честных людей. Нашлись такие, которые заявили совету, что работа действительно заслуживает внимания, действительно в ней разобран материал, еще доселе не известный в европейской литературе по тибетологии, но однако она принадлежит другому, еще не признанному «доктору». Тут они назвали мою фамилию. Директор Института востоковедения предложил сделать запрос в Москву. Здесь в Институте востоковедения АН меня знали два человека (Скачков и Черемисов); они знали, что я в Москве, от монголистов. Институт ответил на запрос: Дандарон реабилитирован и живет где-то в Москве; в Институте востоковедения старается не показываться. Тогда декан восточного факультета ЛГУ и секретарь парторганизации ЛГУ дали задание проф. Д. А. Алексееву свя-

заться с Дандароном. Из письма проф. Алексеева я понял, что сейчас идет большая работа по изучению Тибета. Идет поиск и набор работников по тибетологии, то есть специалистов по истории, этнографии, географии, литературе Тибета и специалистов по буддийской философии, ибо буддизм в Тибете имеет очень существенное значение: страной управляет духовенство во главе с Далай-ламой (то есть тибетским папой). Таких работников набирает Институт востоковедения АН; так как их нет, то решили срочно подготовить. Алексеев говорит, что этот вопрос сегодня стал очень актуальным. Поэтому он убедительно просит, чтобы я срочно приехал [*Дандарон, 123–124*].

Однако все опять осложняется отсутствием у Дандарона прописки. Дело о его приеме в ленинградский Институт востоковедения требует времени, а он не может подолгу оставаться ни в Москве, ни в Ленинграде. Он живет в столице на полулегальном положении, ночует у знакомых и друзей, а иногда и вообще на улице. К тому же в этом году в Москве проходит фестиваль молодежи и студентов, паспортный режим ужесточается, в мае 1957 г. Бидия Дандарович вынужден покинуть город, вернуться на родину в Бурятию. Но и здесь он не оставляет своих духовных поисков, изучает книги по тибетологии и монголоведению, хранящиеся в местных архивах.

В сентябре 1957 г. он снова приезжает в Москву и знакомится с Юрием Николаевичем Рерихом, известным индологом и востоковедом, много лет прожившим в Индии и Тибете и недавно вернувшимся на родину. Рерих приглашает Дандарона к участию в составлении русско-тибетского словаря. Вот как вспоминает об этом событии один из учеников Дандарона А. М. Пятигорский:

Одним из первых вопросов, обращенных ко мне, в то время его подчиненному по службе и ученику, был «Вы знаете Дандарона?» Я ответил, что не знаю. Юрий Николаевич улыбнулся и сказал: «А я знаю». И вдруг снова началась буддология... Стали переводиться и издаваться буддийские тексты, появились серьезные новые статьи, трактующие самые сложные вопросы религии, метафизики и психологии буддизма [*Пятигорский, 157*].

Через полтора года Бидия Дандарович, отчаявшись получить место в Москве или Ленинграде, устраивается на работу в Бурятский институт общественных наук, где он исследует гигантский фонд тибетских и монгольских текстов. В это время в институт принимают на работу в качестве консультантов высокообразо-

ванных лам. Дандарон работает вместе с ними. Появляются первые публикации, посвященные описанию собраний фонда и отдельным авторам. В сотрудничестве с ламами-консультантами он разбирает и систематизирует тибетский фонд БИОНА — один из богатейших подобных фондов не только в СССР, но и в мире.

В 1959 г. в Улан-Удэ приезжает Юрий Николаевич Рерих. Создана их вторая встреча. Совместно был продуман план буддологических исследований, намечены первоочередные издания и переводы. Важнейшей из задач становится создание русско-тибетского словаря. К этому времени словарь Якоба Шмидта, изданный в 1839 г., стал библиографической редкостью и был слишком узок по содержанию для предстоящей научной работы. К сожалению, Юрий Николаевич не прожил на родине и трех лет, в 1960 г. он умирает еще нестарым от разрыва сердца. Дандарон продолжает намеченные исследования. В начале 60-х идет кропотливая работа по подготовке тибетского словаря.

Словарь Ю. Н. Рериха существовал в черновике и охватывал только начало алфавитного списка. Поэтому в план научной работы среди других тем Бидии Дандаровичу была поставлена задача: подготовить к изданию краткий тибетско-русский словарь. Основная часть работы выпала на его долю. Он расписал на карточки толковый тибетско-китайский словарь «Шойдаг», ставший основой нового словаря. В 1963 г. словарь издали в Москве мизерным тиражом в 2500 экземпляров. Он был в синем переплете и его так и называли сокращенно: «Синий словарь» или «Словарь Дандарона». В 1994 г. словарь был переиздан тиражом 1000 экземпляров.

Пока шла кропотливая работа со словарем, выходят первые научные публикации: в 1960 г. — брошюра «Описание тибетских рукописей и ксилографов», статья «Тибетский фонд нашего института», в 1962 г. — краткое описание «Источника мудрецов».

В 1965 г. представилась командировка в Москву. Остановиться было негде. Константин Михайлович Черемисов попросил А. М. Пятигорского принять Бидию Дандаровича у себя. Именно там, у Александра Моисеевича Пятигорского, с ним познакомилась Октябрина Федоровна Волкова, индолог и санскритолог. Дандарон знакомится с лучшими молодыми специалистами в востоковедении, многие из них становятся его духовными учениками, а квартира сестер Волковых, по воспоминаниям современников, на многие годы становится главным буддийским центром Москвы.

С середины 60-х гг. начинают происходить «удивительные события»: к Дандарону стекаются ученики со всего Союза. В 1965 г. группа студентов биофака ЛГУ Железнов, Алексеев, Маликова узнает от знакомых, что в Бурятии, в Улан-Удэ, в библиотеке института общественных наук работает крупный специалист по буддизму и тибетологии, некто Дандарон. Студенты решают ехать в Сибирь. Тяга к буддизму настолько велика, что они готовы бросить сытую и устроенную жизнь в столице и отправиться на окраину Союза. Они пробивают дорогу к намеченной цели всеми правдами и неправдами: многие бросают стабильную работу в Москве и едут в Бурятию, чтобы работать уборщицей в школе или художником в клубе, ночевать в каморках в общежитии или прямо при школе, лишь бы быть рядом с учителем. Донатас Буткус, медик из Вильнюса, после окончания института просит распределить его в Бурятию, так как интересуется тибетской медициной. Вокруг Бидии Дандаровича быстро образуется небольшая, но очень сплоченная сангха. Все члены так называемой группы Дандарона не только его духовные ученики, но и научные последователи. Они изучают тибетский и монгольский языки, переводят с тибетского на русский уникальные тексты, составляют справочники, пишут научные статьи.

Создавалась неофициальная научная школа буддологии — «школа Дандарона», во многом опережающая официальную. Просуществовав недолгое время, эта школа стала шагом вперед в русской буддологии и являлась продолжением русского востоковедения начала XX в., представителями которого были Щербатской, Ольденбург, Обермиллер и др.

Естественно, подобный ажиотаж вокруг Бидии Дандаровича не остается незамеченным властью. И в 1972 г. инициируется чудовищный по своей глупости и разрушительной силе судебный процесс. Обвинение Дандарона и членов его сангхи было от начала и до конца сфабриковано. Материалы дела изобилуют подтасованными фактами и нелепыми антинаучными «экспертизами». Обвинение строится по ст. 227 ч. 1 и 147 ч. 3 УК РСФСР: ему инкриминируется создание подпольной секты, незаконное присвоение имущества учеников, побои несогласных членов сангхи, кровавые жертвоприношения и сексуальные оргии. Среди доказательств вины приводятся следующие:

- 1) участники группы в полном составе собирались на моления-согшоды, что подтверждали как Дандарон, так и все его ученики;

2) была создана подпольная касса (касса действительно существовала, но деньги туда сдавали все члены абсолютно добровольно и средства из нее шли на научную работу группы, а также на помощь нуждающимся членам сангхи);

3) заключение научно-атеистической экспертизы (экспертизу проводили сотрудники БИОН, одна из которых, несмотря на свое буддологическое образование, использовала такие формулировки как «буддизм это насилие», «буддизму свойственны кровавые культы», а второй вообще не имел необходимого для проведения подобной экспертизы образования).

Из этого суд сделал вывод, что Бидия Дандарович стремился обожествить себя и заставить учеников поклоняться лично ему. Об этом якобы свидетельствуют репродукции фотографий Дандарона в ламском одеянии. Надо сказать, что эта фотография была сделана корреспондентом АПН специально для буклета «Буддисты в СССР», изданного для заграницы. Буклет должен был служить рекламой свободы вероисповедания в СССР. Одеяния же были взяты из хранилищ БИОНа. Когда корреспонденты увидели их и захотели сфотографировать на живом человеке, все сотрудники побоялись надеть их. Все, кроме Дандарона.

Наиболее активные члены группы и главные свидетели по делу были устранены при помощи подложной пятнадцатиминутной психиатрической экспертизы. Эксперты сделали вывод, что все четверо шизофреники и параноики. И рекомендовали им лечение в психиатрической больнице закрытого типа. У Буткуса была конфискована коллекция буддийских предметов искусства стоимостью 9000 рублей, которую он купил у местного населения по поручению Вильнюсского университета. На следствии Буткус угрожал самосожжением, если ему не вернут украденное, за этот факт тут же зацепились психиатры. Все ценности были конфискованы в связи с сумасшествием владельца коллекции и переданы в хранилища местных музеев, где их след теряется.

АКТЫ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Врачи городской больницы № 1 г. Улан-Удэ: Бабанова Ф. П., Веселов В. М., Смирнов В. С.

ЛАВРОВ Ю. К. При обследовании со стороны центральной нервной системы патологических изменений не обнаружено. В беседу вступает неохотно, на вопросы отвечает формально. В окружающем ориентируется правильно. Сообщает: разочаровавшись в изучении западной философии,

решил заняться буддийской философией. Формально отвечая на вопросы, не может объяснить факта личного жизненного неблагополучия: постоянной перемены мест работы, отсутствия какой-либо специальности и т. д. Во время произведения экспертизы склонен к резонерству, выявляет отсутствие каких-либо планов на будущее. Не обеспокоен своей дальнейшей судьбой. Память, интеллект соответствуют полученным знаниям и приобретенному опыту; бреда, обманов чувств не выявлено. Эмоционально уплощен. В поведении манерен. Мышление с элементами резонерства. Страдает хроническим психическим заболеванием в форме вялотекущей шизофрении.

ЖЕЛЕЗНОВ А.И. Психическое состояние: в контакт вступает сдержанно, на вопросы отвечает, тщательно обдумывая как вопросы экспертизы, так и свои ответы на них. Правильно понимает цель проведения экспертизы, в то же время утверждает, что имеется некая группа лиц, которая, работая в органах или у власти, всячески преследует его и пытается помешать ему в работе и в жизни. Рассказывает, что еще в армии он предвидел подобное, и поэтому перестал употреблять алкоголь. Утверждает, что его постоянно ущемляют в работе, что у него изъяли статью и т. д. Недостаточно критичен к сложившейся ситуации, вопреки показаниям свидетелей, оспаривает доказанные следствием факты. На часть вопросов отказывается отвечать, утверждая, что у него имеются свои соображения по этим вопросам, и что он не хочет, чтобы группа лиц, стоящих у власти, знали об этих соображениях. Память, интеллект соответствуют полученным знаниям и приобретенному опыту. Эмоционально несколько уплощен. Мышление с элементами параноидального развития. Заключение: страдает хроническим психическим заболеванием в форме параноидальной шизофрении.

БУТКУС Д. Психическое состояние: в контакт вступает охотно, не вполне правильно оценивает создавшуюся ситуацию. На вопросы отвечает пространно, многословно, иногда долго рассуждая на темы, не имеющие отношения к заданному вопросу. Не отрицает того, что говорил о самосожжении. Характеризуя своих знакомых, не может правильно выделить главные черты их характеров, считает их всех «милыми, хорошими, добрыми людьми», в утверждение своих слов приводит мелкие незначительные факты. Не обеспокоен своей дальнейшей судьбой, недостаточно интересуется окружающим. Бреда, обманов чувств не выявлено. Память, интеллект соответствуют полученным знаниям и приобретенному опыту. Эмоционально уплощен. Мышление с элементами резонерства. Диагноз: вялотекущая шизофрения.

МОНТЛЕВИЧ В.М. Психическое состояние: в контакт вступает сдержанно, на вопросы отвечает по существу. В окружающем ориентируется правильно, последовательно сообщает свои биографические данные, но не может

объяснить свои поступки, имеющие место странности, или объясняет их нелогично, формально. Утверждает, что ранее никогда не болел, просто была некоторая слабость, из-за этого обратился к врачу-психиатру. Во время проведения экспертизы иногда задает нелепые вопросы, отвечает резонерски. Память, интеллект соответствуют полученным знаниям и приобретенному опыту. Недостаточно обеспокоен своей дальнейшей судьбой. Эмоционально уплощен. Диагноз: шизофрения, не может давать отчет своим действиям и руководить ими [Семека, 23–26].

Но следствию показалось мало развернуть дело лишь на местном уровне, необходимо было придать ему всесоюзный масштаб. Таким образом процесс над сектой сумасшедших превратился в гонение на буддизм и буддологию. В Москве и Ленинграде на допросы вызывали сотрудников Института востоковедения, допрашивали Пятигорского и Волкову, в их квартирах проходили бесцеремонные обыски.

ЗАЯВЛЕНИЕ

20 октября 1972 г. я обратилась к вам с заявлением, в котором сообщала о направленных против меня необоснованных и абсурдных действиях работников прокуратуры Черемушкинского района г. Москвы. 24 октября следователь прокуратуры Черемушкинского района Буробина Е. В. и второй сотрудник, очевидно, тоже прокуратуры, фамилию которого я не запомнила (он присутствовал и при первом обыске 13 октября), явились ко мне на квартиру и без предъявления постановления на обыск и изъятие, только на основании того, что я узнала их в лицо и не заявила протеста против незаконных их действий, произвели повторный обыск и изъяли у меня следующие вещи:

1. Статуэтка Будды;
2. Изображение круга сансары;
3. Кофейная чашечка из сервиза, розетка и пепельница с рисом;
4. Индийские бусы-четки из дерева.

Протокол изъятия, проведенного без участия понятых, был составлен только в прокуратуре, куда меня привели для очередного допроса, и после самого допроса. Копия протокола мне вручена не была, вследствие чего я лишена теперь возможности доказать, что вышеназванные вещи принадлежат именно мне. Прошу вас оградить меня от произвола работников прокуратуры и повторно требую немедленного возвращения моего имущества, поскольку, лишившись его, я вместе с тем лишилась возможности продолжать свою работу. При сем считаю необходимым заметить, что изъятые у меня предметы буддийского искусства используются как вещественные

доказательства абсолютно необоснованно, хотя бы потому, что точно такие же предметы свободно продаются в московских антикварных магазинах. Пользуясь случаем, еще раз прошу вас обратить ваше внимание на само, так называемое, «дело», которое ведет прокуратура Бурятской АССР. Индологическая и буддологическая традиция в нашей стране насчитывает уже более ста лет своего существования и давно пользуется мировым признанием. Допросы же и обыски московских научных сотрудников, проводимые в недопустимом стиле неуважения и непонимания исследовательской работы, выглядят как дискредитация науки.

Второе заявление О. Ф. Волковой по поводу обыска, произведенного у нее 24.X.1972 г. [*Семека, 29–30*].

Эстонский буддолог Линнарт Мяль, чьего участия в процессе следствие опасалось больше всего, долгое время не мог получить повестку. Ему якобы не могли дозвониться ни на квартиру, ни на кафедру. Когда же он все-таки приехал на процесс, его пытались физически не пустить в зал суда. А сразу после его выступления на процессе отвезли в местную прокуратуру и потребовали дать показания уже по «его делу». Мяль потребовал, чтобы его допрашивали через переводчика с эстонского и следствие было вынуждено его отпустить.

Несмотря на стоическое сопротивление сангхи, работу адвоката и широкий резонанс в научных кругах, Дандарона все же осудили на 5 лет лишения свободы в ИТК общего режима с конфискацией имущества. Пострадали и другие члены сангхи: 4 ученика, признанные невменяемыми, были отправлены в психиатрические лечебницы закрытого типа, из которых их, конечно, выпустили через некоторое время, но это пятно на их биографии еще долгое время не позволяло им устроиться на работу; учителя и преподаватели были уволены с пометкой в трудовой «как совершившие тяжелые моральные проступки, несовместимые с званием учителя», такой волчий билет не давал им возможности дальше работать по специальности; многие молодые ученые и аспиранты уволены с работы и отчислены из аспирантуры; Л. Мяль уволен из университета Тарту; А. М. Пятигорский уехал в Англию. В тексте постановления о прекращении уголовного дела в отношении одного из участников «секты» можно найти подробное описание несуразных обвинений Б. Д. Дандарона.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

СОГЛАСЕН

Зам. прокурора Бурятской АССР

Государственный советник юстиции III класса

Б. Цыденжапов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о прекращении уголовного дела)

г. Улан-Удэ

Следователь следственного отдела МВД Бурятской АССР майор милиции

Хамаев, рассмотрев материалы уголовного дела № 8940,

УСТАНОВИЛ:

...Участвовал в согшодах на квартирах участников секты в г. Ленинграде, Тарту, Улан-Удэ, Кижинге, на которых Дандарон проповедовал и внушал своим «ученикам» — участникам буддийской секты — беспрекословное и угодливое подчинение ему как «учителю», обожествлял себя, внушал культ насилия — необходимость физического подавления и уничтожения всего, что мешает буддийской вере, сексуальный мистицизм, совершал посягательства на права, честь, достоинство, личную собственность своих учеников. За совершенные преступления подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 227 ч. 2 УК РСФСР, но, учитывая, что основные участники преступлений Железнов, Монтлевич, Буткус и Лавров заключениями судебно-психиатрической экспертизы признаны душевно-больными и определением народного суда они направлены в психиатрические лечебницы закрытого типа, привлекать их к уголовной ответственности нецелесообразно... поэтому, руководствуясь п. 3 ст. 5 1 УК РСФСР и ст. 7 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ

уголовное дело в отношении... прекратить и материал на него передать на рассмотрение товарищеского суда по месту работы.

Следователь следственного отдела МВД

Бурятской АССР,

майор милиции (И. Ханаев) [*Семека*, 27–28].

Что касается самого Бидии Дандаровича, то он и в третий раз сидя в тюрьме, продолжал общение со своими учениками, посылал им наставления и разъяснения. Дандарон умер в колонии в 1974 г. Многие ученики считают, что причиной его скоростижной смерти явилось письмо в прокуратуру, отправленное им с зоны от имени одного из заключенных, над которым издевались работники колонии. Когда стала известна причастность Бидии Дандаровича к написанию письма, он внезапно попадает в лазарет со сломанной рукой. Там ему делают уколы, от которых у него

через некоторое время начинаются припадки, похожие на эпилептические. Из-за этого он не может выходить на работу, за что его направляют в ШИЗО, откуда он больше не выходит. По словам родственников, когда им выдали тело, оно было все в ссадинах и кровоподтеках.

Дандарон внес огромный вклад в религиозную и научную жизнь буддийской сангхи, оставил после себя плеяду талантливых учеников-востоковедов, вдохнул новую жизнь в отечественную буддологию. После его смерти ученики продолжают его дело: в 1974 г. О. Ф. Волкова, выступая с докладом на индологической конференции, начинает со сравнения понятий «буддолог» и «буддист»; Л. Мяльз участвует в организации визита Далай-ламы в Эстонию, в 2001 г. открывает Эстонскую буддологическую школу; А. М. Пятигорский пишет научные и публицистические работы, преподает в Оксфорде. Личность Дандарона многогранна и неоднозначна, вклад его в науку и духовную жизнь нашей страны огромен. В 1975 г. А. М. Пятигорский в своем эссе «Уход Дандарона» писал:

Дандарону удалось в нынешней России быть одновременно ученым-буддологом, буддийским философом и буддийским йогом. Значит, это возможно [Пятигорский, 159].

Литература

1. *Дандарон. Письма* = Дандарон Б. Д. Письма о буддийской этике. СПб. : Алетейя, 1997. 337 с.
2. *Дандарон, Монтлевич* = Дандарон Б. Д., Монтлевич В. М. Избранные статьи. Черная Тетрадь : Материалы к биографии. «История Кукунора» Сумпы Кенпо. М. : Евразия, 2006. 633 с.
3. *Семека* = Семека Е. Дело Дандарона. Firenze : EDIZIONI AURORA, 1974. 71 с.
4. *Пятигорский* = Пятигорский А. М. Уход Дандарона : Реминисценция // Континент. 1975. № 3. С. 151–159.

Morozova M. B.

The Tragedy of Bidiya Dandaron as a Reflection of the Fate of Buddhism in Russia after the National Catastrophe of 1917

The article deals with the life and work of Bidiya Dandaron, an outstanding Soviet scholar, Orientalist, Buddhologist and spiritual teacher who largely contributed to the religious life of the Russian Buddhist Sangha as well as to the development of Soviet Oriental studies and Buddhology. Dandaron's tragic fate is an example of how the Soviet policy affected believers in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic and in the entire USSR.

KEYWORDS: Dandaron, Buddhism during the period of repression, Neobuddhism, Buddhist Sangha in the USSR.